

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 2(47)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 2 (47)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н. Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т. А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е. Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И. А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Болотина, доктор юридических наук; Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И. В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л. В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н. А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А. А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И. Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г. П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В. Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А. С. Карцов, доктор юридических наук; Н. П. Кириллова, доктор юридических наук; О. Н. Коришнова, доктор юридических наук, профессор; Э. К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В. В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю. В. Мишалченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н. С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А. Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С. М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е. Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е. Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С. А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю. А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н. И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О. В. Чельшова, доктор юридических наук, профессор; Ю. Б. Шубников, доктор юридических

наук, профессор; В. С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; В. Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А. А. Эскархонцло, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. П. Спиридонов (главный редактор), доктор юридических наук, профессор; Р. Д. Шаранов (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор; М. А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О. А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е. В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; Д. Ю. Краев, кандидат юридических наук, доцент; Е. Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; Т. Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; А. А. Сапожков, кандидат юридических наук, доцент; И. Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4

Подписано в печать 13.06.2024. Печ. л. 23,5. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1—54). Заказ 15/24.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

- Абаканова В. А., Шадрина Е. Г.* Проблемы правоприменительной практики при проведении проверки сообщения о преступлении 3
- Арзамасцев М. В.* Конституционные основы ответственности за преступления, совершаемые с использованием сети «Интернет»..... 10
- Безбородов Д. А., Сомко В. В.* Мародерство: особенности объекта и объективной стороны преступления 19
- Бурлаков В. Н., Плоткина Л. Н.* Интернет на «службе» преступлений против здоровья населения и общественной нравственности.....26
- Глушков М. Р.* Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 2. Методика РЕАСЕ.....34
- Горобец Д. Г.* Квалификация неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженного с доведением до самоубийства 40
- Готчина Л. В.* О противодействии криминальному воздействию на молодежь с помощью сети «Интернет» 49
- Зимирева Л. А.* Причина причины — причина результата?!.....56
- Краев Д. Ю.* Квалификация убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего 63
- Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В.* Поводы и основания применения мер безопасности в отношении потерпевшего и свидетеля.....73
- Морозова Ю. В.* Вопросы квалификации неуплаты средств на содержание детей.....81
- Никуленко А. В.* Преступления, совершаемые посредством сети «Интернет»: неиспользованные возможности противодействия 90
- Плошкина Я. М.* Правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве 98
- Пряхина Н. И., Суслина Е. В.* Использование сети «Интернет» для совершения деяний, образующих причастность к самоубийству несовершеннолетних..105
- Русецкий О. В.* Система профилактики преступлений в информационном пространстве 113
- Халиков А. Н.* Излишние квалифицирующие признаки состава получения взятки как проблемы процесса расследования и судебного рассмотрения уголовных дел 121
- Халиков И. А.* Распространенность общественно опасного деяния как фактор криминализации преступлений в отношении исторического и культурного наследия..... 129
- Хлебушкин А. Г.* Особенности квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей 136
- Шеховцова Л. С.* Оценка ситуации тактического риска при проведении обыска в жилище..... 143
- Шульц В. Л.* Особенности процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве 151

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

- Яковлев К. Л., Опалева А. А., Маматов М. В.* Высочайше утвержденные доклады министров в системе источников права Российской империи первой четверти XIX века 157

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

- Булгакова Л. С.* К вопросу об определении компетенции субъектов административной деятельности в сфере экологической безопасности. 164

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

- Порохов М. Ю.* Искусственный интеллект в судебной деятельности: баланс инноваций и этики.....173

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

- Честнов И. Л.* Новое исследование философии общественной опасности: рецензия на монографию Д. В. Мирошниченко «Критика уголовно-правовой онтологии»..... 181

Научная статья
УДК 343.3/7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Максим Васильевич АРЗАМАСЦЕВ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
m.arzamastsev@spbu.ru*

Аннотация. В статье раскрываются основные проблемы, возникающие в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, которые активно используются для совершения различных преступлений. Показаны особенности конкретизации в цифровой среде конституционных прав человека. Предложено считать осуществление таких прав обстоятельством, исключающим преступность деяния, если не допущено злоупотребления субъективным правом. Отдельно проанализированы вопросы охраны тайны частной жизни, публичной демонстрации преступной деятельности. Рассмотрено влияние классификации преступлений, совершаемых в сети «Интернет», на определение момента их окончания. Автор приходит к выводу о недопустимости расширительного толкования уголовно-правовых запретов, их распространения на сферу обращения электронных ресурсов. Сформулированы предложения по криминализации и пенализации деяний, квалификации киберпреступлений. Рассмотрены проблемы, которые возникают в связи с широким пониманием таких преступлений. Раскрыты особенности общественной опасности отдельных форм поведения, меняющейся в связи с развитием цифровых технологий и увеличением масштаба Интернета.

Ключевые слова: цифровые конституционные права, Интернет, информационно-телекоммуникационные сети, киберпреступления, злоупотребление субъективным правом, квалификация преступлений, преступления в сети «Интернет»

Для цитирования: Арзамасцев М. В. Конституционные основы ответственности за преступления, совершаемые с использованием сети «Интернет» // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 10–18.

Original article

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF LIABILITY
FOR CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF THE INTERNET

Maxim V. ARZAMASSEV

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, m.arzamastsev@spbu.ru

Abstract. The article reveals the main problems arising from the development of information and communication technologies that are actively used to commit various crimes. Features of constitutional human rights specification in the digital environment are shown. The proposal is made to consider the exercise of such rights as a circumstance excluding the criminality of an act, unless there is an abuse of the subjective right. Separately analyzed are the issues of protecting personal privacy and public demonstration of criminal activity. The influence of the classification of crimes committed on the Internet upon the determination of the moment of their completion is examined. The author comes to the conclusion that it is inadmissible to expand the interpretation of criminal

---

© Арзамасцев М. В., 2024

law prohibitions with extending them to the sphere of electronic resources circulation. The article makes separate proposals for the criminalization and penalization of acts, the qualification of cybercrimes. The problems that arise in connection with a broad understanding of such crimes are considered. Peculiarities are revealed of the public danger of certain forms of behavior, changing due to the development of digital technologies and the increase in the scale of the Internet.

Keywords: digital constitutional rights, Internet, information and communication networks, cybercrimes, abuse of a subjective right, qualification of crimes, crimes on the Internet

For citation: Arzamashev M. V. Constitutional foundation of liability for crimes committed with the use of the Internet. *Criminalist*. 2024;2(47):10-18. (In Russ.).

Сегодня наиболее значимым фактором, оказывающим влияние и в целом на общество, и на криминогенную ситуацию в нем, стал Интернет¹, давно перешагнувший все мыслимые границы. Исторический опыт свидетельствует, что технический прогресс нельзя остановить, как бы люди к нему ни относились. Для целей правового регулирования важно отметить отдельные социальные закономерности Интернета, которые хотя и обусловлены использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но синергетически превышают их эффект.

Информация стала самостоятельной ценностью в ряду традиционных экономических категорий, таких как «труд», «товар», «деньги», подтверждая легендарный, приписываемый Натану Ротшильду, афоризм: «Кто владеет информацией — тот владеет миром». Этим обусловлены повышенные требования как к качеству данных (полнота, достоверность, верифицируемость и т. д.), так и к их сбору, хранению и использованию. Между тем Интернет уже представляет собой самое массовое средство массовой информации и по объему сведений, и по охвату аудитории. Сами же цифровые технологии отличаются нейтральностью [1, с. 126], облегчают не только совершение преступлений (вследствие дистанционного способа

¹ Для целей настоящей статьи термины «сеть „Интернет“» и «информационно-телекоммуникационная сеть» (ИТС) будут использоваться как синонимы, если не оговорено иное.

и воздействия на множество потерпевших), но и их раскрытие (например, за счет систем видеонаблюдения и автоматического распознавания лиц). Широкое распространение Интернета привело к размыванию границ реального и виртуального мира, к рутинизации «высоких» технологий, которые быстро становятся привычными и столь же быстро устаревают (примером может служить исчезновение некоторых видов связи, стандартов и т. д.), а также могут использоваться даже неквалифицированными пользователями, просто скачивающими инструкции (в том числе по созданию вредоносных программ, неправомерному доступу к чужим ресурсам и даже по совершению общеуголовных преступлений).

Право должно учитывать особенности Интернета, однако можно констатировать, что человечество живет в цифровом мире, принципы правового регулирования которого все еще не сформированы и вырабатываются путем проб и ошибок. На международном уровне признается, что «киберпреступники постоянно совершенствуют свои методы, идя в ногу с техническим прогрессом»². Праву же вследствие особенностей формирования и регулиро-

² Пункт 44 Рабочего документа XIV Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию «Международное сотрудничество и техническая помощь в предупреждении всех форм преступности и борьбе с ними: терроризм во всех его проявлениях и новые и появляющиеся формы преступности» (A/CONF.234/7). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3907073> (дата обращения: 22.01.2024).

вания свойственно определенное запаздывание.

Конституционные положения в большинстве стран (и Россия здесь не исключение) были написаны без учета современной жизни, существенная часть которой приобрела цифровую форму. Конституционным текстам присуща высокая степень абстрактности, стабильности и необходимой фундаментальности. Поэтому они чаще всего не включают прямых предписаний для участников интернет-отношений. Исключением в вопросе права на доступ в Интернет служат конституции Греции [2, с. 31] и Португалии [1, с. 130]. Это осложняет поиск конституционных требований к ответственности за преступления в сети «Интернет», притом что уголовное право, отличаясь консервативностью, не может носить опережающего характера.

Одним из основных требований к уголовно-правовым запретам является недопустимость разрушения ими существующих правовых отношений. Необходим учет в уголовном праве цифровых прав, которые уже признаются в качестве конституционных. Так, в решениях Федерального конституционного суда Германии провозглашены права на информационное самоопределение индивида и на обеспечение неприкосновенности информационно-компьютерных систем [3, с. 54]. В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации распространил положения ст. 23 Конституции Российской Федерации на передачу любых сообщений независимо от используемых при этом технических средств, а также указал на необходимость совершенствовать меры ответственности за нарушение прав обладателя информации, учитывая потребности развития информационного общества¹. В конечном счете цифровые

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П.

права человека — это не самостоятельные права [4, с. 88], а «конкретизация универсальных прав человека применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [5].

Многие преступления, совершаемые в сети «Интернет», представляют собой коллизию субъективных прав. Так, в вопросе о квалификации по ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) формирования электронной базы данных на лиц, высланных в административном порядке в 1945–1956 годах на территорию Архангельской области, Конституционный Суд Российской Федерации учитывал неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и одновременно особенности реализации другого конституционного права — свободно искать и распространять информацию любым законным способом². Сопоставление этих прав актуализирует вопрос о том, одинакова ли общественная опасность противоправных и запрещенных одной и той же нормой (ч. 1 ст. 137 УК РФ) сбора и распространения сведений о частной жизни. Между тем основные угрозы возникают не при сборе информации, а при ее использовании [6, с. 9]. С другой стороны, может ли благая цель распространения информации оправдать ее сбор противоправным способом?

Ранее Конституционный Суд Российской Федерации указал, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит

Здесь и далее нормативные акты и судебные решения приводятся по справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», если не оговорено иное.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1253-О.

непротивоправный характер¹. Конституционные положения развивает Гражданский кодекс Российской Федерации, признающий в п. 1 ст. 152.2 правомерность сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах.

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде².

Однако ни в нормативных положениях, ни в их разъяснениях не определяется, допускается ли сбор одним лицом информации о другом в целях выявления его возможного правонарушения. С одной стороны, само противоправное поведение не образует содержание частной жизни, с другой — признание допустимости подобного сбора сведений неуполномоченным субъектом (не действующим на основании Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации») означает сужение гарантий частной жизни, когда любой сможет собирать сведения о других гражданах, ссылаясь на гипотетическое наличие в их действиях признаков противоправного поведения. Сам же сбор может осуществляться при помощи

¹ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П и от 25 мая 2021 г. № 22-П.

² Пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“».

«шпионских» программ или использования скрытых функций современных технических устройств, подключаемых к локальным сетям или сети «Интернет».

Законодатель в ст. 137 УК РФ не определяет сущностный признак, который свидетельствует именно о криминальном характере подобного рода деяний (например, если соседи запишут семейную насильственную ссору соседей и распространят эту запись в сети «Интернет», формально это деяние тоже может считаться преступлением, предусмотренным указанной статьей), которые в современных условиях получили широкое распространение благодаря возможностям смартфонов. Не снимают анализируемую проблему и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации³.

С учетом позиций Конституционного Суда Российской Федерации⁴ использование субъективного права должно признаваться обстоятельством, исключаящим преступность деяния, если не имело место злоупотребление правом. О таком злоупотреблении (выходе за пределы субъективного права) могут свидетельствовать как объективные (выбранный способ действий и их последствия), так и субъективные признаки (цели и мотивы). Для способов осуществления права ключевыми являются типичность или нетипичность выбранного варианта поведения для определенного правомочия в конкретном историческом периоде, а также его связь с содержанием права. При оценке субъективных признаков необходимо определять преобладание правомерных или противо-

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 3272-О.

правных намерений в поведении лица [7, с. 199–200].

Квалификация анализируемых преступлений зависит от их особенностей, в частности, использована ли сеть «Интернет» как сфера противоправных действий или как средство их совершения. С учетом выделяемых уровней информационно-коммуникационных процессов [8, с. 12] это могут быть посягательства: общесоциальные (например, возбуждение ненависти или вражды, наказуемое по ст. 282 УК РФ); публично-правовые (к примеру, DDoS-атака на портал госуслуг); межличностные (совершаемые в сфере индивидуального или корпоративного общения).

Так, Конституционный Суд Российской Федерации признал, что ст. 110.2 УК РФ не предполагает запрета правомерного поведения и направлена на охрану неопределенного круга лиц от вредного (негативного) побуждающего воздействия на их психику, способного при неблагоприятном стечении обстоятельств подтолкнуть их к самоубийству или помочь им в этом¹. Тем самым распространение информации о способах совершения самоубийства или призывов к его совершению выходит за пределы такого конституционного права, ограниченного, в частности, по содержанию сообщаемых в сети «Интернет» сведений.

Отличительной чертой всех интернет-преступлений является способ, который в общей форме представляет собой информационное воздействие. Оно, по оценке А. А. Тер-Акопова, характеризуется передачей информации, которая имеет уголовно-правовое значение, причиняющую силу [9, с. 248–249]. Исходя из направленности воздействия преступления можно разделить на следующие группы: информационно-компьютерные (изменение цифровой информации

без воздействия на психику человека или состояние технических устройств); информационно-психические (при помощи коммуникационных технологий информация адресуется конкретному лицу или неопределенному кругу лиц с интеллектуальным или эмоциональным воздействием); информационно-технические (информация передается, блокируется, изменяется с целью управляющего или разрушающего воздействия на технические устройства) [10, с. 15]. Это позволяет определить момент окончания того или иного преступления (момент создания доступа к информации определенного лица либо группы лиц, момент изменения цифровой информации или момент нарушения в технических процессах, в состоянии техники).

Однако информационное воздействие способно приводить к любым преступным результатам (вплоть до причинения смерти пациенту путем подмены данных в его электронной медицинской карте). С учетом перехода многих социальных и экономических процессов в онлайн-форму можно считать, что криминальное использование сети «Интернет» становится настолько массовым, что это нельзя считать квалифицирующим признаком (иначе квалифицированные составы будут применяться чаще основных, что противоречит принципам дифференциации ответственности).

Так, для уголовной юстиции не возникло проблем с переносом понятия имущества на электронные и безналичные денежные средства², однако, как следствие, особо квалифицированный состав кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) *de facto* поглотил большинство видов мошеннических действий с использованием электронных средств платежа

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1104-О.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

(ст. 159.3 УК РФ). И хотя Конституционный Суд Российской Федерации прекратил производство по делу о проверке конституционности этих законоположений¹, анализируемая тенденция привела к единичному применению ст. 159.3 УК РФ, что не отражает расширение объема использования электронных платежных средств в экономике.

Соответственно, можно предложить не включать использование сети «Интернет» (или иных информационно-телекоммуникационных сетей — ИТС) в составы тех преступлений, которые чаще совершаются именно в виртуальной среде. Общественную опасность таких деяний следует учитывать в санкции нормы, описывающей основной состав, оставляя судам право индивидуализировать наказание в конкретных случаях.

При этом «значимость социального аспекта может перевешивать техническую сторону» [4, с. 73]. Привычность и распространенность информационных технологий не свидетельствует о повышении общественной опасности деяний, совершаемых с их использованием. Поскольку ресурсы уголовной репрессии ограничены, то для законодателя важно правильно определить приоритеты уголовно-правовой охраны (к примеру: какие виды охраняемой информации важнее?). Вскоре перед уголовно-правовой политикой, вероятно, возникнет и вопрос об использовании информационной оценки вреда вместо традиционной на сегодня денежной оценки ущерба.

На 2024 год запланировано принятие конвенции ООН о противодействии использованию информационных и коммуникационных технологий в преступных целях. Однако анализ ее проекта²

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2021 г. № 1374-О.

² URL: https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/ad_hoc_committee/ahc_sixth

свидетельствует, что в ней отсутствуют положения, которые бы повлекли существенную переработку российского уголовного закона. Участвующие в разработке конвенции страны, по сути, предлагают перенести на международный уровень собственный национальный опыт.

Также появилась тенденция, когда толкование уголовно-правовых запретов приводит к их распространению на деяния с электронными ресурсами. При этом следует различать две ситуации. Первая — разъяснение признаков преступлений, всегда предполагающих воздействие на психику. Так, признак публичности оскорбления предложено устанавливать с учетом размещения оскорбительных сведений в сети «Интернет» на сайтах, форумах или в блогах, открытых для широкого круга лиц³. В данном случае Верховный Суд Российской Федерации лишь конкретизировал признаки деяния, исключив из них размещение сведений в форумах и блогах, закрытых для посторонних. Понимание публичности от этого не изменилось. Вторая ситуация — расширительное толкование, приводящее к увеличению объема запрета. Так, без изменения текста закона официальным документом как предметом преступления стал признаваться и электронный документ⁴. С одной стороны, такое понимание отражает современное значение электронных документов. С другой — изменение запрета осуществлено путем

session/main (дата обращения: 24.01.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 — 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

толкования, что не в полной мере согласуется с конституционным требованием правовой определенности. Также оно не учитывает разницу в материальных признаках традиционного (бумажного) и электронного документа. Представляется, что данная проблема (в том числе включения в иных случаях электронных ресурсов в признаки преступлений путем их толкования) требует детального анализа в контексте конституционных требований разделения властей и определенности уголовного закона.

В целом Верховный Суд Российской Федерации понимает использование сети «Интернет» для совершения преступления предельно широко: и для создания условий (приготовление), и для выполнения объективной стороны преступления¹. Даже моментом окончания незаконного сбыта наркотических средств стало признаваться доведение информации о местах их закладок до приобретателей². Это приводит к ряду проблем.

Во-первых, любое общение с соучастниками или потерпевшими посредством Интернета (даже знакомство) уже содержит в таком понимании признаки как минимум приготовительной деятельности. Однако часто (особенно при звонках посредством возможностей ИТС) оно принципиально не отличается от телефонных разговоров, которые не считаются повышающими общественную опасность деяния, видимо, в силу своей

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“».

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 июня 2022 г.).

привычности. Подобная дифференциация не в полной мере согласуется с конституционным требованием равенства.

Во-вторых, поиск, сбор в сети «Интернет» информации, необходимой для совершения преступления (например, о способах изготовления наркотиков, взрывчатки), уже создают условия для совершения преступления, т. е. также исходя из позиции Верховного Суда Российской Федерации должны считаться приготовлением к преступлению. Но тогда почти любое лицо, сделавшее подобный запрос, может быть привлечено к уголовной ответственности. Наверное, следует более четко разграничить правомерный и преступный сбор информации.

В-третьих, в практике встречается квалификация преступлений по признаку организованной группы, в которую — помимо обвиняемого — входили лишь неустановленные лица, скрывавшиеся за виртуальными образами или псевдонимами (никнеймами). В данном вопросе обращено внимание на презумпцию невиновности³. С технической точки зрения за разными виртуальными персонажами может быть одно и то же лицо (а в будущем — даже искусственный интеллект). Поэтому нужно дорабатывать правила квалификации соучастия посредством Интернета.

Преступники не обязательно скрывают действия в ИТС. Напротив, они могут вести публичную демонстрацию своих действий в сети «Интернет» (стриминг). Разработан проект закона, предлагающий признавать такую демонстрацию в качестве отягчающего обстоятельства⁴. Она уже является признаком преступлений, предусмотренных в ст. 242, 242.1,

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 1887-О.

⁴ URL: <https://www.interfax.ru/russia/929380> (дата обращения: 24.01.2024).

245, 258.1, 260.1 УК РФ. Поскольку особая жестокость может проявляться при совершении в присутствии близких потерпевшему лиц убийства¹, изнасилования или иных действий сексуального характера², то их публичная трансляция причиняет не меньшие (а скорее, и большие) нравственные страдания. Тем самым лицо, осуществляющее трансляцию, создает специальную обстановку совершения насильственного деяния, информационно и технически обеспечивает особо жестокий способ преступления, а потому должно считаться его соучастником (в случае невыполнения им лично действий, входящих в объективную сторону, — пособником).

Публичная трансляция совершения хищения делает его открытым не только для потерпевших, но и, по сути, для всего мира, а потому такое деяние следует считать грабежом (поскольку его наблюдают посторонние, хотя они и не могут непосредственно оказаться на месте его совершения или вмешаться в процесс).

Также нельзя забывать и о закономерностях наказуемости за преступления, совершаемые в сети «Интернет». Так, усиление государственного регулирования (например, изменение порядка доступа в Сеть) может допускать смягчение уголовной ответственности. И напротив, как показывают исследователи, повышение строгости наказания может давать пользователям Интернета ощущение защищенности, вследствие чего они в меньшей степени будут самостоятельно применять средства (технические, информационные, поведенческие) защиты [11, р. 433 – 435], вследствие чего

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

парадоксальным образом общий уровень безопасности в этой сфере не изменится.

Применительно к информационно-психологическому воздействию не до конца оценен потенциал использования лишения права заниматься определенной деятельностью. Так, Конституционный Суд Российской Федерации признал допустимым запрет заниматься публицистической деятельностью³. В практике же Верховного Суда Российской Федерации остались без изменения приговоры, в которых предусматривалось лишение права осуществлять деятельность, связанную с администрированием сайтов⁴, размещением обращений и иных материалов в сети «Интернет»⁵. И хотя имеются практические сложности исполнения подобных наказаний, они могут способствовать предупреждению информационных преступлений.

Таким образом, развитие новых технологий ставит перед уголовным правом ряд проблем в части криминализации и пенализации деяний, их квалификации судами. Многие из этих проблем могут быть успешно решены (и уже решаются) с учетом конституционных требований, вместе с тем ряд из них еще ждет своего научного анализа. Поэтому от уголовного права требуется учитывать потребности современного информационного общества, при этом оно должно соблюдать и защищать конституционные права граждан, а также не допускать выхода за конституционно обозначенные пределы ответственности.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 2017 г. № 1797-О.

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2019 г. № 222-АПУ19-2; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. № 3-УД22-2-А2.

⁵ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2022 г. № 225-УД21-15.

Список источников

1. Талалина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 3. С. 122 – 146. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina.
2. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 4. С. 9 – 46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova.
3. Нуссбергер А. Новые конституционные права в Основном законе Германии / пер. с нем. А. Г. Румянцева // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5. С. 51 – 57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57.
4. Румянцев А. Г. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6. С. 70 – 105. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-6-70-105.
5. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 30 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 22.01.2024).
6. Гаджиев Х. И. Защита частной жизни в цифровую эпоху // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 5 – 2. DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.1.
7. Арзамасцев М. В. Уголовно-правовая оценка осуществления субъективного права и злоупотребления им // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 177 – 203. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.177.203.
8. Рыбаков О. Ю. Право как индикатор гуманизма в условиях цифровой трансформации общества и государства // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 11 – 20.
9. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. Москва : Юркнига, 2003. 480 с.
10. Арзамасцев М. В. К вопросу об уголовно-правовой классификации киберпреступлений // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2017. № 1 (3). С. 11 – 17.
11. Hong Y., Neilson W. Cybercrime and Punishment. *The Journal of Legal Studies*. 2020;49(2):431-466. DOI: 10.1086/711715.

Информация об авторе

М. В. Арзамасцев – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, советник Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Arzamashev – Associate Professor at the Department of criminal law of the St. Petersburg State University, Advisor to the Constitutional Court of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).